

Юрий ДЮЖЕВ

г. Петрозаводск

По горячему снегу фронтовых дорог

Из рукописи книги
«Народный писатель Карелии
Яакко Ругоев»

«Пережив войну, все её ужасы, лично неся все тяжести на своих плечах, человек смотрит на все вещи иным взглядом».
(Из дневника Я.Ругоева, 31 августа 1944 г.)

Переход от мирных человеческих отношений к жестоким законам военной страды, когда, опаленные жадой отмщения за сожженные захватчиком деревни, ожесточались солдатские сердца, был не простым для воспитанного в патриархальной крестьянской семье Яакко Ругоева.

В первой половине 1941 года он увлеченно преподавал финский язык в родной школе, пополнял свою фольклорную копилку записями народных песен, сказок, пословиц, сочинил несколько рассказов и стихотворений и был охвачен стремлением «взяться за серьезный литературный труд»¹. Своими планами он охотно делился с духовно близкими ему Н.Гиппиевым и Т.Гуттари². С крестьянской бережливостью Я.Ругоев записывает свои расходы на житье-бытье, среди которых важное место занимает помощь семье, матери, брату Николаю и немного

– забота о себе: «Домой – 200, костюм – 180, матери – 409, свитер – 52, смычок – 30, чемодан – 30, Николаю – 30, остальные вещи – 150»³.

Упомянутые в дневнике костюм, свитер и чемодан были приобретены в канун очередной поездки в Ленинград, где Яакко рассчитывал встретиться с Фаней Шестаковой. Он выехал из Ухты 10 июня, прибыл в Петрозаводск 12 июня, задержался в столице Карелии на шесть дней по своим учительским и литературным делам и выехал в Ленинград 18 июня вечером. На следующий день он прибыл в воинскую часть, где прошел повторное медицинское освидетельствование после того, как 12 июля 1940 года был снят с воинского учета по состоянию здоровья (закрытая форма туберкулеза легких). Из воинской части он добрался до Ленинграда 21 ию-

¹ Ругоев Я. Автобиография // НА РК, ф.3716, оп.1, д.683, с.15.

² В блокноте за 1941 год Я.Ругоевым внесены адреса Н.Гиппиева и Т.Гуттари // НА РК, Ф.3716, п.1, д. 718.

³ Там же, с.61.

ня утром. В этот день и состоялась встреча с Фаней Шестаковой, которая закончилась ссорой. Вечером Яакко уехал из Ленинграда и прибыл в Петрозаводск 22 июня утром⁴. В тот день в городе состоялся общегородской многотысячный митинг, на котором, в частности, выступил первый секретарь ЦК ЛКСМ республики Ю.В.Андропов. Я.Ругоев поспешил к месту работы, в Ухту, жители которой на своем митинге заявили о готовности встать на защиту Родины. По состоянию здоровья молодой человек не подлежал призыву в армию, и завершившаяся 23 июня вечером мобилизация военнообязанных первой очереди его не коснулась.

Через несколько дней после возвращения Я.Ругоева на родину, 1 июля на ухтинском направлении перешли в наступление две финские дивизии. Два полка 54-й дивизии и пограничники в течение 10 дней стойко удерживали оборону государственной границы на реке Войница. В середине июля финны прорвали оборону, вынудив отойти наши части на рубеж в десяти километрах западнее Ухты.

Из личного листка по учету кадров, заполненного Я.Ругоевым 22 апреля 1946 года, явствует, что первого июля 1941 г. он вступил в ряды Кемско-Ухтинского истребительного батальона, был назначен командиром отделения и воевал в нем до февраля 1942 года. Истребительному батальону (одному из 38, созданных в Карелии) поручалась охрана в прифронтовой полосе военных и народнохозяйственных объектов, борьба с диверсантами, сбор и уничтожение вражеских листовок. Но летом и осенью 1941 г., в силу сложившейся тяжелой обстановки на фронте, истребительные батальоны направлялись на передовые позиции, вели упорные бои с противником и несли тяжелые потери. По данным Г.Куприянова, «только в боях 1941 г. погибло 530 бойцов истребительных батальонов». Если учесть, что общая численность истребительных батальонов в Карелии к осени 1941 г. составляла 5641 человек, то погиб каждый десятый. Я.Ругоев на себе испытал, что значит идти в бой в собранном с миру по нитке обмундировании и снаряжении, с предельно урезанным запасом продуктов. Когда в феврале 1942 года его истребительный батальон вошел в состав отряда «Красный партизан», командир отряда Ф.Журих в докладной записке в Четвертый отдел НКВД обращал внимание на то, что пополнение не обеспечено ватными брюками, ватными фуфайками и валенками, шапками, рукавицами, маскировочными халатами⁵.

Даже в этих сложных условиях бойцы истребительных отрядов проявляли мужество и героизм, и об их ратном труде еще предстоит написать книги. Но что касается личного фонда Я.Ругоева, то найти

в нем дневниковые записи, освещающие события второй половины 1941 года, не удалось. Вероятно, слишком тяжелы были впечатления, связанные с отступлением наших войск, оккупацией многих деревень Ухтинского района, которые были превращены в тщательно охраняемые поселения со сложной системой пропусков и где под гнетом захватчиков остались многие не успевшие эвакуироваться земляки Я.Ругоева. В эти самые страшные для Родины дни он потерял связь с родными и близкими, с товарищами по литературному цеху. Мечты о писательском будущем, любовные переживания – всё это отошло на второй план перед главным – желанием спасти Родину от фашистского ига, отомстить «за те страдания и жертвы, которые пришлось нести народу; за то, что наши деревни и города были превращены в руины; что проливалась невинная кровь детей, женщин и стариков; что враг хотел отнять у нашего народа право на самостоятельное существование, превратить нашу республику в колонию, а наших людей в рабов»⁶. Праздничное восприятие мира осталось за чертой войны. Возвращение к мирному прошлому, к идиллии ухтинского школьного сообщества казалось невозможным после увиденных своими глазами человеческих страданий. Да и вести дневниковые записи, тем более на финском языке, – значило попасть под подозрение надзорных органов. Оставив на время литературные упражнения, Я.Ругоев стал проходить школу выживания на войне. А это значило, писал Д.Гусаров о своем партизанском опыте, «выдержать многосотверстные походы по лесам и болотам с опухшим от комариных укусов лицом, с натертыми до крови ногами, съедать, несмотря на никогда не утоляемое чувство голода, ровно столько, сколько положено нормой, хотя в мешке за спиной полно принадлежащих тебе продуктов и плечи ноют от их тяжести. И только после всего этого, если у тебя хватит сил, ты сможешь совершить подвиг, о котором мечталось в тылу».

Мечтал о подвиге и включенный в состав отряда «Красный партизан» поэт и романтик Яакко Ругоев, когда 5 февраля 1942 года ранним утром выступил в поход по маршруту Нурмилакша – Кин-

⁴ Все даты приведены по хранящейся в личном фонде Я.Ругоева «Адресной книжке 1941-42 гг.» // НА РК, ф.3716, оп.1, д.718, с. 65.

⁵ НА РК, ф.3716, оп. 1, д.923. В процитированном выше листке по учету кадров от 22 апреля 1946 г. Я. Ругоев указал, что стал бойцом, а затем командиром отделения партизанского отряда «Красный партизан» в феврале 1942 г.

⁶ Ругоев Я. Приговор вынесен // Ленинское знамя. 1946. 24 февраля.

тизьма – Пуштосоозеро – Кайслаярви – Костомукша. В походе участвовали 126 человек, двое из них заболели дорогой и были оставлены в деревне Хайколя на излечение. Остальным предстояло преодолеть 300 километров в оба конца по безлюдной снежной тайге. Как и другие рядовые бойцы, Я.Ругоев не знал о маршруте похода и не догадывался, почему именно его, уроженца деревни Суоярви, включили в состав отряда, сформированного в Ухте в самом начале войны и под руководством Бруно Лахти и комиссара Михаила Королева, прославившегося уже летом 1941 года.

Позднее, намереваясь написать летопись отряда «Красный партизан», Я.Ругоев опубликует на страницах газеты «Ленинское знамя» (8 октября 1944 г.) заметку «Фаддей Журих». С именем этого командира отряда, сменившего осенью 1941 г. выбывшего из строя Бруно Лахти, был связан разгром финского карательного отряда в деревне Ринозеро. Тогда под покровом густого тумана партизаны по льду озера ворвались в захваченную врагом деревню, уничтожив 38 шюцкоровцев. Отряд потерь не имел, только один человек был легко ранен. В январе 1942 года отряд провел 15-часовой бой по разгрому крупного финского гарнизона в Кентозере. «За время войны, – с гордостью писал Я.Ругоев в названной выше заметке, – отряд совершил 31 поход, прошел по тылам врага 13000 километров. Захватил 12 пленных, разгромил 8 гарнизонов, взорвал 7 мостов, уничтожил 12 складов. Командир взвода ухтинский карел Иван Кондратьев истребил 76 фашистов. Осенью 1942 года командиром отряда стал Королев. Начальник штаба – Иван Яковлевич Чертков».

Стать бойцом такого прославленного отряда было большой честью для Я.Ругоева, и он старался в походе не показывать усталости (хотя сильные морозы и ночевки в тайге грозили тяжелыми осложнениями его легким, простуженным в советско-финляндскую войну 1939-40 гг.), не отставать от других. О том, насколько трудно было молодому партизану, говорит сделанная уже после похода, в госпитале, дневниковая запись под заголовком «Когда человек устает»: «Мы идем, не отдыхая, уже вторые сутки. Ребята устали. Винтовки и ранцы давят на плечи стопудовой тяжестью. На коротких привалах сон побеждает всякое сопротивление, глаза ничего не хотят видеть, веки опускаются вниз. Сразу после остановки – на холодный снег, и уже слышно храпение по всей колонне. Командиры с трудом поднимают усталых людей на ноги. Те поднимаются, и холодная промерзшая одежда пренеприятно касается тела. Сквозь деревья – темно-синее холодное небо. Идешь – и глядишь в сторону, отыскивая глазами жилые места. Но лес тянется бесконечно. А в уста-

лом мозгу все время мерещится мысль: «Скоро ли отдых?» И бывает, идешь, смотришь в сторону, сквозь деревья, и покажутся впереди привлекательные дома. И решаешь про себя, что здесь обязательно должна быть остановка, отдых. Но, увы! Идешь еще немножко, и оказывается, что всё это было только ложное видение – ты принял за дома очертания леса. Кратковременное побуждение исчезает, и ты продолжаешь свой путь прежним усталым, тупым шагом и взглядом. Самая страшная ночевка во время марша – шалаши».

В среднем отряд проходил 28,5 километра в сутки и 10 февраля вечером подошел к хутору Койву-вара, что в 5,5 километра восточнее деревни Костомукша. Разведка установила, что Костомукша была оставлена финнами десять дней назад. Командование отряда в соответствии с приказом решило уничтожить населенные пункты Костомукша, Окуновое озеро и Суоярви. Как сообщал в докладной записке Ф.Журих, «приказ НКВД – лишить противника опорных пунктов на его левом фланге – выполнен полностью. Вся работа по организации поджога трех деревень длилась четыре часа. От Костомукши отряд двигался в направлении деревень Окуновое озеро и Суоярви. 11 февраля 1942 года утром эти деревни сожжены отрядом. Всего уничтожено около 80 построек, в том числе 47 жилых домов. Этого же числа, 11 февраля, отряд двинулся в обратный путь. Переходы в отдельные дни были до 35 километров в сутки. Но отстающих не было. На обратном пути – в последние три дня пути – не хватало продуктов, но жалоб со стороны бойцов не было. Возвратились 18 февраля 1942 г.»⁷.

В этот поход Я.Ругоев взял с собой маленький блокнот с надеждой вносить в него на привалах столь важные для будущих произведений детали партизанского быта, диалоги, сценки, обстоятельства боевых схваток. Но надеждам не довелось сбыться, настолько огромные физические и эмоциональные перегрузки испытал молодой боец. Лишь после возвращения на партизанскую базу он занес в блокнот, себе на память, сухо изложенную хронологию похода: «Вышли из Рабочеостровска 2.2.42. Прибыли в Хайколя 3.2. утром. Выступили 5.2. утром. 5,6,7,8,9,10,11 подошли к Костомукше. В Костомукше сожгли 45 построек разных, жилых 30: в Окуновом озере сожгли 18, жилых 5, в Суоярви сожгли 25, жилых 12»⁸. За этой протокольной изложением скры-

⁷ Журих Ф. Докладная записка «В Четвертый отдел НКВД» // НА РК, ф.3716, оп.1, д.923.

⁸ Ругоев Я. Дневниковые записи // НА РК, ф.3716, оп.1, д.672, с. 20.

ты трагические переживания Я.Ругоева, испытанные им в родной деревне. Лишь много позднее он уточнит суть личного участия в памятном походе: «В феврале 1942 года наш отряд получил задание разгромить вражеские гарнизоны в деревнях Костомукша и Суоярви. Во время этой операции по поручению командования я участвовал в уничтожении этих деревень. И, в частности, сжег собственными руками отцовский дом».

Можно представить, как разрывалось от страданий сердце молодого партизана, когда он подносил факел к бревнам родного дома. В этот момент деревенское детство вставало в его памяти как олицетворение безмятежного, спокойного прошлого, естественного, счастливого бытия. Уничтожение отцовского дома было для Яакко личной «трагедией века» и не только обусловило название и тональность первой книги («Мечь»), но и на многие годы вперёд определило обостренную социальность и пафос народности его стихов и прозы, рождавших боль, тревогу, надежду и веру, любовь ко всему живому, к малой родине. Позднее, когда в стихах Я.Ругоев вдохновенно воспевал думы и мироощущения своих земляков, он нередко обрывал лирическую ткань произведений воспоминаниями о случившемся в феврале 1942 г., настолько глубоко засела в его душе картина зимнего пожара в родной деревне:

*Стали избы Костомукши головнями,
Пал в сраженьи цвет её бедовый,
Ночью над пустынными снегами
Жутко кличут одиночки совы⁹.*

Чтобы как-то умерить душевную боль, Я.Ругоев берется за карандаш и по памяти рисует родную деревню, такой, какой она запомнилась ему в детстве: живописный берег озера, склонившиеся над водной гладью могучие сосны, зеленая цепь холмов на горизонте, вдаль – деревенские избы и среди них – отцовский дом.

В памятном февральском походе Я.Ругоеву не довелось ни разу увидеть в лицо противника, сделать хотя бы один выстрел, сходить в атаку. Его взяли в поход из истребительного отряда как уроженца деревни Суоярви, знающего дороги и тропы, полезного для решения поставленной задачи. Меньше всего командование думало о переживаниях молодого партизана, когда именно его направляло к отцовскому дому с факелом в руке. Боец должен был доказать свою лояльность, верность присяге, готовность выполнить любое поручение, даже если оно оборачивается личной трагедией. Яакко выполнил приказ, выдержал тяготы

300-километрового похода по снежной пустыне, завоевал доверие товарищей по отряду.

«Я встал в шеренгу мстителей народных, – вспоминал поэт в книге «Стихи» (Петрозаводск, 1953, с.75), – и был моею кровью обгажен колючий снег, февральский чистый снег». Позднее на страницах написанной 14 февраля 1978 года автобиографии Я.Ругоев уточнил дату первого ранения: он получил его в марте 1942 г. Это был очередной поход на территорию, захваченную противником. В дневнике Я.Ругоева скупо приведена хронология похода:

«Вышли из Рабочестровска 5.3.42 г. в 11.00. Прибыли в Хайколя в 21 ч.

6.3.42. Отдых в Хайколя. Происшествий нет.

7.3.42. В 6.00 вышел первый взвод на Нурмилахту. Отряд двинулся в 9.00. В Нурмилахту прибыл в 17.00.

8.3.42. Второй взвод вышел в 8.00, отряд в 9.00. Шли в три лыжни. Обед в 12.99. Олени отстали. К 13.00 их нет. В 12.00 пролетел самолёт. Олени прибыли в 13.55. После обеда наступила морозная погода. Ночевали в двух километрах от поселка Верхнее Возноярви.

На этом дневниковые записи прерываются. Сводный партизанский отряд (кроме «Красного партизана» в него вошел и «Красный клич») вскоре после выхода на исходные позиции был атакован противником и в обстановке неразберихи, несогласованности командных действий понес потери, вынужден был отказаться от выполнения поставленной задачи, спешно возвращаться домой, унося раненых на самодельных носилках. На следующий день после прибытия на базу, 14 марта, состоялось совещание командного состава сводного партизанского отряда, которое вел капитан Ф.Журих. В личном фонде Я.Ругоева есть подробная, на 20 страницах, запись выступлений Ф.Журиха, Е.Кокоры (командира отряда «Красный клич»), других партизан (Колесник, Никонен, Король, Кудрявцев, Кондратьев), которые самокритично разбирали недостатки в организации и проведении похода. О неподготовленности партизан к суровым условиям таежной войны, недисциплинированности, а порой и растерянности в схватке с опытным противником говорил командир взвода отряда «Красный партизан» И.Кондратьев: «Командир отряда дал распоряжение идти на левый фланг. Группа товарища Новосёлова наступала очень медленно. Так же медленно наступали мы. Со мной было только полвзвода. Я говорил, что надо двигаться быстрее. Докукин, Горянин всегда сзади. Идут только за командиром взвода, сами не проявляют инициативы. Тов. Малышев даже не поднимал своей го-

⁹ Ругоев Я. Источник памяти. – М., 1987. С.128.

ловы и не знал, куда падают мины. При отходе Докукин и Горянин ушли без команды командира взвода. Я даже не знал, где они. Пришлось их искать. При переносе раненых плохо себя вели. Несли девять человек. Тут хуже то, что бойцы отделения Новосёлова не несли раненых, а мои несли».

Раненному под Кентозером в бедро Яакко оказала первую помощь санитарка Устя, и с её помощью он добрался до базы. Позднее Я.Ругоев напишет об уроженке Ухты Устинье Егоровне Кольенен исполненную чувством благодарности статью «Партизанка Устя»: «В отряде её называли Устиньей Егоровной, но чаще всего – Устей. Партизаны любили и уважали её как родную сестру и товарища. С нею делились личными печальями и радостями. Когда она появлялась у любого партизанского костра, ей всегда уступали лучшее место. Партизаны знали, что Устя сторицей сумеет отплатить за заботу, знали, что она никогда не оставит любого из них в беде»¹⁰. Вчерашняя пионервожатая средней школы в Ухте совершила более 20 походов в глубокий тыл врага. В одном из них, вспоминал Я.Ругоев, Устя под ураганным огнем противника вывезла тяжелораненого партизана вместе с оружием и вещевым мешком, а чтобы он не замерз, сняла с себя теплое белье и одела на бойца: «Что только не пришлось испытать за это время! Январские морозы и июльскую жару, голод и усталость, скорбь по погибшим и радость побед – всё это было». Девушку одной из первых наградили боевой медалью.

На молодого партизана красивая и храбрая санитарка произвела сильное впечатление; в его душе внезапно вспыхнуло романтическое чувство влюбленности; он попытался высказать свои чувства землячке при личной встрече, но не был понят. И тогда во фронтовом блокноте карандашом Яакко пишет стихотворение «Усте» с надеждой прочитать понравившейся ему девушке и завоевать её доверие:

*Когда-то друзьями считались,
Теперь стало не то,
Боюсь, от бывшей дружбы
Не осталось ничего.
Когда-то нашел утешенье
Я в твоих милых глазах.
Когда-то тебе признался
Я в своих скромных чувствах.
Тогда мне ложно казалось,
Что любим я, Устя, тобой,
Где бы ни был, что ни делал,
Но память о тебе носил с собой.
Но напрасно чувствам я дал волю,
Не хотела понять меня ты.*

*Возможно, другие были
Для тебя более важны¹¹.*

И далее, преодолевая чувство ревности, Яакко пишет, что он никогда не встанет в жалкую позу просителя, «кто любви умоляет», но все-таки был бы рад «наедине поговорить разок по душам».

Это было одно из первых стихотворений Я.Ругоева, написанных им на русском языке, и отсюда – бросающиеся в глаза стилистические огрехи. Важно подчеркнуть другое – и на войне солдатское сердце было открыто прекрасному чувству любви. Как и в стихотворении К.Симонова «В домотканом деревянном городке», написанном на Севере в начале войны, так и у Я.Ругоева возникает тема сложного беспокойного чувства, в котором есть и радость, и боль, и тоска, и ревность. У партизанского костра Я.Ругоев хочет высказаться начистоту; перед боем он забывает будничную прозу обид и выше всего ставит правду человеческих отношений.

После возвращения из мартовского похода Я.Ругоев попадает в госпиталь, в город Кемь, и в свободное от процедур время жадно читает русскую и зарубежную классику. В дневнике он перечисляет взятые им в библиотеке книги: «Записки моего современника» В.Короленко, «Юность» И.Вольнова, «Литературно-критические статьи» В.Белинского, «Избранные произведения» М.Лермонтова, «Инсургент» Валлоса. В госпитале он заполняет пять ученических, в клетку, тетрадей различными записями на финском языке, которые свидетельствуют о выработке молодым человеком твердых жизненных принципов. Размышляя по поводу одной из прочитанных книг зарубежного автора, он не соглашается с мыслью, что «всё течет к лучшему», и приходит к выводу, что «всё счастье в полезном труде, а не в золоте и блеске высших сфер»; что «Бог не вмешивается в людские дела, он ограничился только созданием мира»; что «в мире ничто не зависит от Бога, люди делами должны регулировать свою жизнь». Эти записи – свидетельство выработки активной жизненной позиции, которая была присуща Я.Ругоеву всю жизнь.

В госпитальных тетрадях появляются записи жанровых сценок и врезавшихся в память диалогов:

«Под скучным видом иногда таятся весёлые мысли.

¹⁰ Ругоев Я. Партизанка Устя // Ленинское знамя. 1947. 7 февраля. После войны У.Е.Кольенен окончила партийную школу, работала в Калевале пропагандистом райкома партии, была избрана депутатом Верховного Совета КФССР.

¹¹ Ругоев Я. Партизанский походный блокнот. Декабрь 1942 // НА РК, ф.3716, оп.1, д.720, с.15-17.

- Вы считаете себя порядочным человеком?
- В глаза пока никого не назвал».

Пользуясь относительно свободным госпитальным режимом, Я.Ругоев восстанавливает утраченные в первый год войны контакты с газетой «Тотус», издававшейся по соседству в Беломорске, и печатает на её страницах очерки партизанской жизни «Из записной книжки» (10 мая) и «Подарок» (14 мая). В дневнике он перечисляет четыре подготовленных для газеты материала и делает для себя пометку, что «два последних эпизода использованы в мае 1942 года». Всё более Я.Ругоев укрепляется в мысли, что опыт войны будет незаменим для его будущей писательской работы, с которой теперь он связывает своё будущее.

С намерением более активно зарабатывать материал для будущих произведений, подробней вести дневниковые записи Я.Ругоев возвращается на партизанскую базу, в деревню Хайкола, откуда в составе отряда «Красный партизан» 9 июня отправляется в очередной поход в тыл противника. Как и другие бойцы, с собой он берет 25-дневный запас продовольствия (сахари, тушенка, сало, сахар, чай). Средний вес снаряжения доходит до 45 килограммов. В поход выступили 127 человек, из которых двое были возвращены с пути по болезни¹². События развертывались неблагоприятно для партизан: отряд был обнаружен Костомукшским полевым караулом противника и сразу же была организована карательная группа в количестве 38 человек, вооруженная автоматами. В перестрелке двоих бойцов ранили. Пришлось досрочно, в ночь на 22 июня, выйти в обратный путь. Раненых несли на носилках. Финские каратели следовали за отрядом, не выдавая себя. К тому времени под их тщательным контролем находились все переправы и некоторые тропы. Не догадываясь о засаде, партизаны в четыре утра 24 июня подошли к переправе через реку Кента. За километр до реки вперед было выслано отделение С.Липкина с задачей осмотреть реку и организовать переправу. Отряд подошел к переправе через двадцать минут и расположился за небольшой каменной грядой. Для переправы были срублены бревна, и партизаны стали укладывать их через реку для перехода. В этот момент финны открыли сильный огонь из автоматов и пулемета. Первыми же выстрелами были убиты три партизана и пятеро ранены. Отделение Липкина было почти полностью выведено из строя. Я.Ругоев успел залечь на самом берегу реки и стрелял с небольшого расстояния. Как сказано в рапорте, «двух человек убили командир отделения тов. Ульянов и боец Ругоев». В перестрелке пуля рикошетом от камня ударила Яакко в предплечье, прошла по руке и застря-

ла в сгибе локтя. Устя перевязала рану. Попытка выбить финнов из засады не удалась, и отряд стал отходить на дорогу Вокнаволок – Костомукша, обогнул остатки сгоревшей деревни Костомукша с юга и стал продвигаться в направлении на Юшкозеро. Движение отряда шло медленно, так как нужно было нести трех раненых партизан. Шли по 12 часов в сутки, проходили за это время не более 18-20 километров, у 40 бойцов, которым перед походом на складе дали английские солдатские ботинки, имелись потертости ног. Я.Ругоев двигался в общем строю. Вечером 30 июня отряд прибыл в деревню Юшкозеро, откуда раненые в лодках были направлены в деревню Шомба и 2 июля сданы в медсанбат. Я.Ругоеву попытались вытащить пулю, сделали разрез, но без рентгеновского снимка в сильно опухшей руке пулю не обнаружили. Он выписался из медсанбата, вернулся в отряд, но спустя два месяца после первой неудачной операции пуля напомнила о себе: спустилась в локтевой сустав и оказалась под самой кожей, так что её можно было нащупать. Рука перестала слушаться Яакко, и в августе ему пришлось лечь на повторную операцию в госпиталь. Хирург вырезал пулю из руки и в качестве памятного сувенира подарил её партизану.

Из госпиталя 6 августа Я.Ругоев направил письмо в адрес Президиума Верховного Совета Карело-Финской ССР:

«Товарищ председатель!

Летом прошлого года моя семья была эвакуирована вместе с другими жителями деревни Костомукша Калевальского района в Архангельскую область в деревню Якушевская Верховского сельсовета Устьянского района. В течение этого времени, а в особенности в последнее время, я получал по письмам неоднократно тревожные сведения о материальном положении семьи. По прибытии на место эвакуации мою семью (мать – Агафья Артемьевна Ругоева, сестры Ольга, Ауне и брат Григорий, двое последних нетрудоспособные по малолетству) поместили на жительство вместе с другими двумя семьями в помещение, предназначенное на разбор на дрова. И вот до этого времени они живут в этом помещении, в котором не найдешь защиты ни от мороза, ни от дождя. По этому поводу даны жалобы, но безрезультатно: сельсовет так и не сыскал помещения посноснее.

За зиму семья обменяла последние вещи на про-

¹² Здесь и далее история похода излагается по «Боевому рапорту о действиях партизанского отряда «Красный партизан» по выполнению приказа НКВД за время с 9 июня по 4 июля 1942 г.», подписанному командиром отряда Ф.Журихом и комиссаром М.Королёвым // НА РК, ф.3716, оп.1, д.923, с.39-47.

довольствие (так как иначе не было возможности достать), обносила всю одежду и обувь. Сейчас негде обеспечить себя необходимыми предметами одежды и обуви. Дети из-за обуви не имели возможности посещать школу всю зиму.

В моей семье только двое получают по 400 граммов хлеба в день. Мать больна, в колхозе своим трудом не может заработать на своё пропитание. А выдача хлеба эвакуированным даже по заработанным трудовым дням из колхоза производится очень своеобразно. Например, в мае за 20 дней не получили ни одного килограмма на трудовой день. На жалобы лаконично отвечают, что хоть умрите, все равно вас больше никто не жалеет.

И сейчас в семье по несколько дней подряд совсем не имеют хлеба.

Я нахожусь сейчас в госпитале, вторично ранен и ничем не в состоянии помочь своей семье. Я отлично понимаю трудности этого времени, но я не ожидал, что моя семья, как и другие эвакуированные, на новых местах получают такой нечеловеческий приём.

Прошу Вашего ходатайства в том, чтобы такое отношение местных органов Устьянского района к эвакуированным было прекращено. Такое отношение к советским людям более чем преступно. А конкретно в отношении своей семьи прошу, чтобы обеспечили более подходящим помещением, обувью на зиму, детям – возможность посещать школу, а также выдачу хлебной карточки моей больной матери.

Кроме того, из писем узнаю, что многие из детей эвакуированных не могут посещать школу по тем причинам, что и мои брат и сестра: медицинское и культурное обслуживание эвакуированных крайне низко в данной местности.

Убедительно прошу Вас обратить внимание на вышеуказанное, ибо, если положение останется прежним, не могу даже представить, что станет с моей семьей с наступлением зимы. Прошу дать ответ на мое письмо.

Боец партизанского отряда «Красный партизан» Ругоев Яков Васильевич».

Продиктованное заботой о судьбе попавшей в беду семьи, это письмо отражает в высшей степени присущее Яякко чувство ответственности за всех членов своего крестьянского рода. Так получилось, что после смерти в 1931 году отца, Василия Тимофеевича, все надежды на лучшее будущее семья Ругоевых стала возлагать именно на Яякко, первым получившего образование, хорошую профессию, ставшего печатать свои произведения в газетах и журналах. В личном фонде писателя хранятся десятки писем от многочисленной родни, которые обычно заканчиваются какой-то просьбой, выполнить ко-

торую не может никто, кроме Яякко. И тот всю жизнь помогал всем, чем мог: советом, ласковым словом, деньгами. В его архиве военных лет – обширная переписка с воевавшим на юге России братом Николаем, с матерью Агафьей Артемьевной и сестрой Ольгой, другими родственниками, Яякко не забывал ни о ком из рода Ругоевых и никогда не забывал ответить на присланные на его адрес письма.

Вот и оказавшись в очередной раз в госпитале, Яякко в свободное время в первую очередь отвечал на полученные письма (в том числе от Фаины Шестаковой), а потом принимался заполнять страницы дневника исполненными юмора зарисовками партизан:

«Командир отряда любит ловить рыбу. Поэтому для отдыха место надо подобрать у озера. Направляющему Л. надоело бесконечное гонение за озерами.

– Надо было бы все озера вычеркнуть с карты, – с досадой сказал он».

Яякко учился одной фразой раскрыть характер человека:

«Любимая фраза Тюкина:

– Крокодилы! Довольно физкультурничать!»

В Хайколе 15 сентября Я.Ругоев заканчивает рассказ «Слабость врача Л. и упрямство партизана Н.». Имена врача и партизана обозначены одной буквой, как это было принято в газетных публикациях того времени по требованиям военной цензуры. Первая половина рассказа написана на документальной основе и воссоздает случившуюся с самим автором историю: ранение в предплечье правой руки, где застряла пуля: неудачная первая операция и возвращение в госпиталь под нож хирурга. Переживания раненого описаны убедительно: «Хирург не сразу смог найти пулю, а между тем наркоз прошел. У очнувшегося от наркоза партизана начались нестерпимые боли, но он только сжал зубы и молчал. Сестра хотела взять его за руки, но он сказал: «Не надо». Каждая деталь здесь достоверна, как и описание вытащенной на свет божий пули (она оказалась «расплющенной, крылатой» в результате рикошета от камня), как и воспоминания партизана о летнем походе: «Отряд возвращался из глубокого тыла, прошел сотни километров. Финны на всех предполагаемых переправах устраивали ловушки. На одну такую засаду нарвались партизаны. Случилось это в родных местах самого Н., где ему было хорошо известен каждый камень на берегах извилистой речки, каждый порог, где он ловил хариусов, где знал лесные тропинки и нивы. Да и родная деревня была рядом, за какой-нибудь километр. Когда начался беспорядочный непристрельный огонь, Н. прикрывал переправу товарищей огнем своего автомата. Убил

бандита-пулеметчика. Когда он стал менять пустой диск, пуля рикошетом от камня ударила его в руку».

Обоснованным выглядит и поступок партизана, когда он упрасивает хирурга отдать ему расплюсченную пулю как память о летнем походе. Но вот Н. выходит из госпиталя – и тут автор начинает щедро фантазировать. Его герой не находит ничего лучшего, как расплавить вытасченную из руки пулю и полученный свинец влить в пустую оболочку другой пули. Именно из неё во время очередного похода партизан ранит в плечо (и затем захватит в плен) финского обер-лейтенанта. А когда знакомый хирург вытаскивает пулю из плеча пленного, Н. якобы пишет письмо врачу: «Можете взять вытасченную пулю и изучать в своё удовольствие». Надуманность такого сюжетного хода очевидна. Работая над рассказом, Я.Ругоев ещё не был уверен, что цензоры пропустят в печать «правду без утайки»; пока еще не научился работать «на пределе человеческих возможностей», совмещая оперативность работы во фронтовой печати с глубиной художественного поиска. Обо всех этих недостатках публиковавшихся в годы войны произведений говорил А.А.Фадеев в своем выступлении на заседании президиума ССП и военной комиссии в июле 1942 года¹³. Он отмечал, что критерием правды является личное участие в народной войне: «И если ты в этой борьбе побывал, если ты всё это пережил, преодолел, тогда ты об этом расскажешь, и это поможет тебе рассказать, как это делали миллионы и миллионы рядовых наших советских людей».

За год личного участия в народной войне Я.Ругоев накопил значительный жизненный опыт. Ему пришлось сутками обходиться без костров, горячей пищи, шагать по мерзлому мху и кустарнику в насквозь промокшей одежде, неся винтовку, гранаты, патронташ, тяжелый мешок за плечами. В боях он был дважды ранен. 19 сентября 1942 г. Военным советом Карельского фронта Я.Ругоев «за образцовое выполнение боевых заданий» был награжден орденом Красной Звезды. Пережитое волновало душу бойца, не забывавшего о своем призвании литератора. Публиковавшиеся им на страницах финноязычной газеты «Тотуус» очерки и документальные зарисовки¹⁴ были частью первичного слоя создававшейся в военные годы литературы о героике войны, востребованной читателем. В партизанских отрядах (и в том числе в «Красном партизане») имелись свои библиотечки из сотен книг, которые ценили и берегли, как оружие. «Книгами заполнены сумки для гранат, книги носят за пазухой, – вспоминал партизанский быт Я.Ругоев. – Только выпадает удобный момент – сразу за книгу. Книгами обмени-

ваются. Команда идти вперед – книгу суют за голенище сапога или за пояс»¹⁵.

Стал задумываться о своей первой книге и Я.Ругоев. Он видел её составленной из очерков, рассказов, стихов, написанных по следам событий первого года войны. Поздней осенью 1942 года он сочиняет два рассказа («Цена жизни» и «Перемена характера»), которые были опубликованы на страницах газеты «Тотуус» в 1944 году и которые при подаче заявления о приеме в Союз писателей Я.Ругоев назовет «более законченными работами последнего периода».

Сюжет первого из них (написан в 1942 г. и впервые переведен на русский язык А.Хурмеваара в 1949 г. под названием «Жажда жизни»¹⁶) был основан на сведениях, полученных от друга детства Василия Агеевича Кириллова. Позднее во вступительном слове к документальной повести «Двести пятьдесят шесть дней» Я.Ругоев процитирует наградной лист, заполненный 7 апреля 1942 г. по случаю представления В.Кириллова к правительственной награде. Из текста явствует, что В.Кириллов, карел из Ухты, 1920 г. рождения, с 10 июля 1941 г. служил в рядах Красной Армии командиром разведывательной группы, участвовал в восьми походах в тыл врага, за 87-дневное пребывание в тылу противника прошел свыше 1200 километров. В ноябре 1941 г. в районе Регозера В.Кириллов с пятью бойцами принял бой против 30 белофиннов, уничтожил четверых. Приказом Карельского фронта от 8 июля 1942 г. В.А.Кириллов был награжден орденом Боевого Красного Знамени¹⁷.

Такая боевая биография друга не могла не вдохновить творческое воображение Я.Ругоева. Характер героя рассказа, сержанта Алексея Васильева, слеплен по образу и подобию реального прототипа: «Разведка стала его профессией. Он скучал, когда не был в разведке. Весь организм требовал напряжения. Иначе обстояло в первый раз: тогда он чувствовал беспокойство. Боялся ли? Вероятно. Ему нравилась мысль, откуда-то вычитанная: «Не в том главное, что человек боится, а в том, что он умеет побороть страх и действовать сообразно обстановке». Словом, это человек необычайного мужества,

¹³ Стенограмма выступления А.А.Фадеева опубликована 6 мая 1970 года «Литературной газетой».

¹⁴ См.: Karjalais – suomalaiset sissit auttavat etelarintamaa // Totuus, 1942, 6 сентября.

¹⁵ Ругоев Я. Двенадцатый поход // Ругоев Я. Большой Симон. Рассказы, очерки. Петрозаводск. 1975. С.204.

¹⁶ Ругоев Я. Жажда жизни. Перевод А.Хурмеваара. Крайние даты 1942–26 декабря 1949 г.// НА РК, ф. 3716, оп.1, д. 310, с. 1–11.

¹⁷ Ругоев Я. Двести пятьдесят шесть дней // Ругоев Я. Большой Симон. С.127 – 128.

выносливости, упорства, смелости, но вместе с тем он наделен добротой, щедрым сердцем.

В своем рассказе Я.Ругоев раскрывает лишь один эпизод из боевой биографии своего героя, останавливает внимание на такой исключительной ситуации, в которой с наивысшей силой проявляется нравственное величие человека. Действие разворачивается в момент возвращения к своим разведывательной группы, сумевшей захватить важные сведения и пленного. Противник их обнаружил и организовал погоню. Отступить пришлось по узкому перешейку между озерами. Преследователи попытались окружить разведчиков. Алексей остался прикрывать отход боевых друзей. У него было только три гранаты и неполный магазин патронов для автомата. Отбиваясь от карателей, получив три пулевых раны в ногу, разведчик уползает в лесную глухомань и в беспомощности не слышит, как пришедшие на выручку красноармейцы отгоняют врага. Не найдя на поле боя трупа Алексея, красноармейцы решают, что он либо погиб, либо попал в плен. У очнувшегося в пустынном лесу Алексея нет другого выхода, как только добираться к своим. Ходить он не может и решает ползти, опираясь на руки. С великими мучениями, на пределе сил, он преодолевает пять километров и оказывается у своих. Заканчивается рассказ романтическим гимном жизни, во имя которой можно перенести любые испытания, можно пойти на любые жертвы: «Алексей знает цену жизни, ибо он заплатил за неё кровью и страданиями. Поэтому сегодня, когда он возвращается к труду и борьбе, к радостям и опасностям, он полной грудью наслаждается свежим воздухом, солнцем, кристальным блеском весеннего наста, делами людей и радостью, своим счастьем – всеми дарами жизни».

Присущая рассказу романтическая возвышенность исходит от абсолютной чистоты помыслов, возвышенности чувств положительного героя, сумевшего выдержать все испытания. Я.Ругоев поэтизирует, романтизирует этого человека, но средствами драмы, почти трагедии, изображая героя в беспощадном поединке со злом, что пытается подмять под себя мир добрых человеческих отношений, уничтожить радость и счастье любящих жизнь людей.

Увлекая читателя напряженностью коллизии, держа до конца в напряжении, Я.Ругоев пока ещё не умеет подчинить всё это главному – психологически углубленному раскрытию характера. Но тот заряд патриотических чувств, который заложен в рассказе, не может не взволновать современного читателя, и поэтому в новой редакции и с новым названием («Вся жизнь впереди») в переводе Р.Минна рассказ спустя четверть века был опубликован в журна-

ле «Дружба народов» (1970, №5), а затем вошел в «Библиотеку всемирной литературы».

Второй рассказ, отмеченный самим Я.Ругоевым в анкете кандидата в члены Союза писателей, имел несколько названий: «Перемена характера», «Изменение характера» и в переводе Х. Лехмус на русский язык – «Карельский парень». Вновь герой рассказа разведчик Сантту списан с Василия Кириллова, а его действия на захваченной врагом территории повторяют отважные поступки друга Яакко. Так, из наградного листа В.Кириллова известно, что он в декабре 1941 – январе 1942 гг. дважды проникал в деревню Вокнаволок и добыл важные сведения о противнике. Такую же смелость и отвагу проявляет и Сантту, когда в составе группы разведчиков оказывается у захваченной противником карельской деревни и принимает решение в одиночку проникнуть в неё. Свободно говорящий на финском языке, с финским автоматом в руках, он не вызывает подозрений у повстречавшегося на пути вражеского патруля. В деревне Сантту убивает вражеского офицера, захватывает двух пленных и возвращается к ожидающим его в лесу партизанам. Тут он вспоминает, что не забрал оружие у убитого им офицера и, вопреки предостережениям партизан, возвращается в деревню, обыскивает убитого и с трофеем приходит на партизанскую базу, где его ждет любимая – белокурая радистка Татьяна. Но финский карательный отряд обнаружил следы разведчика и стал преследовать отряд партизан. Пулей в грудь тяжело ранена радистка: «Стискивая губы, Сантту нес на руках Татьяну. Из глаз Сантту текли крупные, как росинки, слезы, которых он не скрывал». Умершую радистку хоронят в лесу. Партизаны успешно отрываются от погони и возвращаются к своим. Каждый получает боевую награду. «Но горе камнем лежало на сердце Сантту. Он все время чувствовал себя виновным в смерти Татьяны, полагая, что он из-за своих проделок выдал всю группу». После этого события Сантту стал более осторожен, предпочел ходить в разведку в одиночку (так поступал и В.Кириллов). В финале рассказа повествуется об очередном подвиге Сантту: в тылу противника он подкараулил остановившуюся у обочины легковую машину с вражеским полковником на заднем сиденье, убил шофера, занял его место и доставил финского офицера к партизанам.

В целом рассказ несет на себе печать фронтовой прозы с её искрометностью сюжетных поворотов, насыщенностью боевыми схватками, публицистической пропагандой солдатского героизма. Целостность построения рассказа нарушается повышенным интересом автора к элементу невероятного, случайного (выдуманная история с зах-

ватом легковой машины с вражеским офицером). Но ценность рассказа – в попытке молодого писателя не просто поведать об очередном эпизоде из фронтовой биографии разведчика, а показать «изменение характера», когда психологический мир героя становится более чуток, отзывчив: когда вопреки жестоким урокам войны солдатская душа сохраняет веру в добро, благодарно откликается на товарищескую заботу и внимание.

Рассказ интересен и тем, что впервые молодой писатель показывает героя не только по горизонтали (в момент совершения подвига), но и по вертикали (отыскивая истоки его смелости в детстве и юности, прошедших в карельской деревне). В рассказе вспоминается случай на сплаве в школьном детстве героя, когда брошенный Сантту якорь зацепил его за одежду и повлек за собой в воду с такой быстротой, что «только пузыри остались на реке. Все думали, что парень пропал, утонул. Но Сантту, когда якорь коснулся дна, сумел его приподнять, освободиться от зацепа и всплыть на поверхность». Таким находчивым и жизнерадостным («В верховьях Кемпи не было такого порога, где бы он не спускался на бревне; в округе не было девушки, которую бы он не целовал. Он был весёлый и бойкий, бодрый и смелый») он остается и на войне. Понятным становится и его внезапно вспыхнувшее чувство к радистке Татьяне, смерть которой не в последнюю очередь повлияла на «изменение характера» и раннее возмужание Сантту. Писатель не овзросляет героя, сразу шагнувшего из юности в мир войны, он относится к нему с трогательным пониманием и любовью.

Однако когда в 1946 году созданная Карельским обкомом партии комиссия (куда вошли Ф.Ивачев, И.Никитин, В.Вальякка, С.Сазонов) подготовила обзор альманаха «Пуналиппу», она подвергла рассказ «Сантту» (четвертое по счету название произведения) ожесточенной идеологической критике:

«В рассказе «Сантту» герой, вопреки категорическому приказанию командования немедленно вернуться из разведки, нарушает это приказание и два раза подряд в один и тот же день идет в свою деревню, рискуя собой и своими товарищами, и даже теряет свою любимую девушку-радистку Татьяну. В основе этого бессмысленного шага лежит больше желания посмотреть на свой дом и поиски приключений, чем практическая необходимость. Можно ли считать, что такое художественное отображение героических подвигов героев Отечественной войны воспитывает молодежь в духе уважения воинского устава и неуклонного исполнения приказания своего начальника и командира? Война для Ругоева – это проявление какого-то рыцарства. Ища на войне чего-то красивого, он по-мелкобуржуазному утверж-

дает, что проявление настоящего героизма возможно только героям – отдельным личностям – что проявляется в их действиях вне коллектива. У товарища Ругоева воинская часть состоит из отдельных героев-одиночек». И далее партийная комиссия приходила к выводу, что рассказ Я.Ругоева «Сантту» – «идеологически вредный, опошляющий жизнь, быт и существо Красной Армии».

Политическая зашоренность писавших этот отчет очевидна. Авторы обзора в духе времени односторонне, упрощенно представляли единство личности и общества как механическое соотношение героя и коллектива, который произносит свой непреклонный приговор. Они не замечали, что для писателя-фронтовика Я.Ругоева очень дорого партизанское братство, не имеющее ни устава, ни писаных законов, но нерасторжимо прочное, с которым он навсегда соединился бесчисленными крепкими нитями. В его рассказах и военных корреспонденциях немало героев, с которыми он делил в походах хлеб и соль, спал в шалашах на брошенной на снег хвойной подстилке. Один из них – герой рассказа «Душа», написанного 26 ноября 1942 года. Вновь материал для своего рассказа Я.Ругоев почерпнул из событий и впечатлений партизанской жизни и сумел показать не только как герой произведения храбро воюет, но и с какой страстью чувствует мир, как любит жизнь:

«Он еще совсем молодой, но за его плечами уже большой жизненный опыт. Ростом он небольшой, характером весёлый, за что в отряде его прозвали «Душа». И правда, надо удивляться его постоянной весёлости. Где бы ни появлялся этот рыженький верткий юноша, там уже слышны весёлые восклицания и дружный смех. Во время отдыха он первый танцор. Несмотря на то что он рыжий, он имеет среди девушек довольно влиятельный авторитет. В драматическом кружке он выбирает себе роли шумливые.

Однажды во время летнего похода он один попал в окружение целого шюцкоровского отделения. Закричав «Взвод! За мной!», он на ходу дал несколько выстрелов наугад и, прячась за большим корневищем, начал ждать, приготовив гранаты и перезарядив винтовку. Белофинны приближались с криком: «Сдавайся!» Появился громадного роста шюцкоровец, схватился за ружье. Но партизан его опередил. Финны осмелели и начали приближаться решительней. Василий убил еще одного. Шапка упала, и пряди рыжих волос спустились на глаза. Пули злобно щелкали в дерево. Вдруг сзади послышался крик: «Черт возьми! Здесь только один рыжий подсан!» Василий вскочил, метнул гранату в кричавшего фашиста, другую – в сторону бегущих финнов. Те лег-

ли. Василий бросил третью, последнюю гранату и побегал. Ветер трепал его рыжие волосы и рваную фуфайку, из которой посыпалась вата. Опомнившись, финны начали стрелять. Но поздно. Лес хорошо скрыл партизана.

Недавно ему поручили важное задание – взрыв моста. Он прошел около 200 верст в тыл противника. Один день они вели наблюдение, установили местонахождение постов, взорвали мост. Василий сам подготовил заряд, зажег бикфордов шнур. Можно было отправиться в обратный путь. Товарищи встретили Василия тепло: «Душа пришел! Здравствуй, браток!»

Со своей прежней улыбкой он стал рассказывать про свой поход. А вечером его рыжая голова уже мелькала среди танцующих пар в деревенской глубинке. Девушки, несмотря на его лихие повороты, ахали:

– Ах да и парень же ты, Душа!¹⁸

Характерный для рассказов «Душа», «Сантту», «Жажда жизни» повышенный интерес к романтическому началу исходил из авторского убеждения, что в жизни есть много ценностей, во имя которых можно перенести любые испытания, можно пойти на любые жертвы. Я.Ругоев поэтизирует, романтизирует человека на войне, потому что любит, знает своих земляков как людей красивых, гордых, благородных. Процесс пробуждения, рождения, формирования героических качеств в молодом человеке и придает военным рассказам Я.Ругоева романтическую возвышенность, которую авторы процитированного выше обзора называли «мелкобуржуазным» поиском красивого.

Рассказ «Душа» был опубликован в республиканской газете 5 декабря 1942 года с подписью «Партизан Яков», а утро следующего дня застало его автора в очередном походе. Как всегда, с ним был неразлучный блокнот, в который, обычно во время отдыха у костра, он записывал свои впечатления и стихотворные строки.

«Первый день после Дня Конституции. В 6.00 вышли из дому. Наш взвод направляющий. С утра идти трудно. Вначале чуть с ног не валился, не показал виду. Шли без больших привалов до двух часов дня, остановились на ночлег. В первую очередь вскипятили чай, потом наладили палатки, потом ужин. Хиппо приготовил «жми-дави». Потом раздали ещё по две банки для прямого назначения. Водка у всех «осталась» дома. С 6 до 8 я спал. Сейчас время 8.30 вечера. Я дежурю.

Ночь теплая, спокойная. Слышен только треск костров. Природа удивительно спокойна и равнодушна ко всем чувствам и стремлениям людей. Гля-

дишь на поднимающиеся кругом костра высокие ели, темное небо между ними, невольно думаешь: «А, черт, какая глупость, не глупость, а преступление – война. Задавить бы сейчас же зачинщиков её. Так началась первая ночёвка.

Выход в 10 утра. Днем варили чай. На ночлег в 4.30. Делали хороший шалаш, даже с крышей, так что и света снаружи не видно. Сейчас варили. Думаем отпраздновать день рождения товарища Б., которому исполняется 31 год. В честь этого давили несколько банок «жми-дави».

Второй день похода. Ночь. 4.00. Осталось полчаса до окончания смены. На «улице» небольшая пурга. Варю чай. А потом буду спать ещё пару часов. А может быть, завтра – бой. Ничего. На то и идем.

Четвертый день похода. Холодно даже в шалаше. Варим. Сломал и ремонтировал лыжу. Ночь. Прошло уже четверо суток. Мороз. Спать приходится меньше – из-за холода. Сегодня вражеский самолёт стрелял недалеко от нас.

Сегодня разговаривал с политруком (использовать для темы «Сила воли»):

Г.: «Если я не смогу идти, то раньше, чем сдаться противнику, я кончу с собой».

Политрук: «Если у вас нет столько силы воли, чтобы заставить себя идти, вы не способны даже поднять руку на себя».

Девятый день. На месте. Разведка. В К. – никого. Дальнейшие поиски. Погода теплее. С утра целый ряд маленьких несчастий: растаяло масло, сгорела шапка, разлился суп и т.д. Починил валенки. Дежурю с 2-х до 4-х часов ночи.

Эпизод. Осень. Холодно. Вечером варили. На ночь тушили костры. К. лег спать на горячую золу. Только хвою подложил. А когда стало холодно, снял хвою и накрывался ею»¹⁹.

В блокноте нет ни слова о численности и маршруте движения отряда, а имена партизан зашифрованы одной буквой. Но даже краткие зарисовки партизанского быта дают представление, насколько зимняя война в лесах Карелии была тяжелой, изнурительной работой, требовавшей от каждого участника похода предельного напряжения сил. В этих невероятно сложных условиях Яакко находит силы и возможности заносить в блокнот рождавшиеся в походе поэтические строки. Одно из стихотворений, написанных на финском языке,

¹⁸ Ругоев Я. Душа. // НА РК, ф.3716, оп.1, д.673, с.68-70. Позднее, в очерке «Двенадцатый поход», Я.Ругоев упоминает, что Душой в отряде звали Васели Касьянова.

¹⁹ Ругоев Я. Партизанский походный блокнот. Декабрь 1942. Начало похода 6.12.1942 // НА РК, ф.3716, оп.1, д.720, с. 2-12.

карандашом, посвящено разведчику Василию Кириллову. Накануне похода Яакко узнал о награждении друга орденом Боевого Красного Знамени и в стихах выражает гордость за карельский народ, чей сын прославился смелостью и мужеством. В другом, написанном 11 декабря, стихотворении «Иду!» Я.Ругоев выражал готовность всего себя без остатка отдать защите родины:

*За край наш чудесный,
За сожженный дом
В смертный бой я иду.
За семью свою,
За старую мать,
 За Родину в борьбу иду.
 За любовь молодую,
 За вольную жизнь
На сражение сегодня иду.
И клянусь тебе, Родина-мать,
Иль умру, иль с победой приду.*

Поэт говорит о своем сугубо личном ощущении перед завтрашним боем, но за авторским «я» стоит народ. С последним обстоятельством тесно связан и характер поэтического самораскрытия в стихотворении «Иду!», где акцентируется мотив воинского долга.

Тот несколько приподнятый тон, который свойствен публицистическому стихотворению «Иду!», в других стихотворениях из партизанского блокнота понемногу уступает место стремлению как можно ближе стать к духовному опыту человека на войне, показать, что он способен не только храбро воевать, но и чувствовать красоту природы, любить и быть любимым. Из лирически прозрачной тональности написанного в ночь на 9 декабря стихотворения «Вернулся отряд с похода» (с посвящением Фаине) вырастает ощущение значимости созидательной силы женской любви:

*Вернулся отряд с похода.
Вернулся ли милый мой?
Как мне жаль, мой юный сокол,
Что сейчас я не рядом с тобой.
Не может быть, чтоб он не вернулся,
Не может быть, чтоб его уже нет.
Только его я люблю, его обожаю,
Другого мне не нужно вовек.
И я знаю, что любовь моя молодая
Сокола от смерти бережет.
Верю я в то, что он вернется
И к груди своей меня прижмет.
Вернулся отряд с похода,
Вернулся ли милый мой?*

*Да вот и он, мой юный сокол,
Партизан мой молодой.*

За особым фольклорным ладом этого стихотворения чувствуется непосредственность почти детской души рассказчика, умеющего заставить звучать стих с естественностью человеческой речи.

Тем же знанием живой, изустной речи отличается написанная в походе «Песнь о том, как одного молодца напрасно приняли за жениха». В партизанском блокноте, где все записи велись карандашом, она занимает восемь страниц и напоминает маленькую поэму. С юмором, шуткой поэт излагает историю, как «однажды летом паренек молодой по селам карельским ходил», как повстречался с бабушкой и её внучкой («И хороша же она была собой, влюбиться в неё мог любой»). По просьбе бабушки парень согласился проводить Анни до соседней деревни, а там неожиданно его приняли за жениха («Анни с женихом пришла!»). Девушке такой поворот событий пришелся по душе, и она не стала разочаровывать родственников. И вот уже для желанных гостей накрыт богатый угощениями стол. Рады и неожиданно обретшие личное счастье девушка с парнем («После был рай в той горнице, где Вася с Анни ночевал»).

Более поздняя редакция этого написанного на русском языке текста получила другое название («Как одного молодца по ошибке приняли за жениха») и имела пояснение: «Написано по просьбе товарищей: «Напиши что-нибудь весёленькое». Дело в том, что во время похода Яакко неоднократно выступал перед своими товарищами у партизанского костра с чтением стихов, что обычно происходило до знакомства с очередной сводкой Совинформбюро о положении на фронтах. Своеобразным «социальным заказом» и стали написанные на русском языке и адресованные многонациональной партизанской аудитории стихи «Иду!», «Вернулся отряд с похода», «Песнь о том, как одного молодца напрасно приняли за жениха». Лирика, юмор, шутка помогали смягчить тяготы партизанского быта, Яакко жил судьбой, единой с народом, со всеми теми, для кого он писал. Это делало поэта родным и близким его товарищам по партизанскому отряду.

От привычки вести партизанский дневник Я.Ругоев не отказался и в последнем своем походе в тыл противника:

«28 декабря 1942 г. 9.30. Вышли из Х. в 9 ч. Все бойцы шли хорошо. Мы были направляющими. Сейчас мороз, но у нас хороший шалаш и костер. Тепло. Я дежурю до 10 ч.

Вечером догнал нас Суло Г. Он привез почту. Я по-

лучил два письма от Ауны и Ристо. Пишут о своей жизни. Как мне жалко их. Они столько страдают там. Недавно заходил ко мне И.Л. Немножко поговорили с ним. Наше направление, очевидно, туда, где в прошлом году меня ранили.

Ночь на 30 декабря 1942 г. Выход в 11.00. Плохая погода, лыжи идут плохо, встречный ветер. Шли до К-пура. Остановились у бараков. Делали скромный шалаш с полами из дверей бараков, на дрова сломали старую конюшню. Вечером выпили по 150 грамм. Спать очень хорошо. Сейчас погода установилась лучше. С Суло послал два письма. Дежурю с 2-х до 4-х ч.».

Закончив дежурство, Яакко берет за дневник и в пять часов утра 30 декабря под рубрикой «У партизанского костра» записывает только что созданное стихотворение «Комсомолец»:

*Почерневший от копоти походных костров,
Усталый и строгий на вид,
На защите свободы, счастья, любви
Комсомолец неотступно стоит.*

Состоящее из восьми четверостиший, открыто публицистическое по содержанию, стихотворение отмечено искренностью и сердечностью. Стержнем стихотворения является сам поэт, жизнь его души, становление его сознания. Лирический герой «немало пережил за свой краткий век», «был счастлив, когда шел к вершинам науки», когда любил, трудился, мечтал и «просто песни напевал». Война разрушила счастье мирной жизни, оставила «преждевременную морщинку» на лице прошедшего через пекло боев молодого солдата, «и глаза серьезней стали». Но поэт уверен, что «настанет победы день» и тогда на лице юноши вновь появится улыбка.

«Да, что принесет с собой 1943 год? – делится с дневником своими раздумьями Яакко в канун Нового года. – Начало-то обязательно будет шумное, т.е. самые первые дни. Хорошо было бы здоровым вернуться с похода к своим друзьям.

Только что закончили постройку шалаша. Сидим у костра. Разговариваем. Сегодня довольно тяжелый день. Работаем с 8 часов без завтрака. В темноте пересилили «океан» без перекура. Днем обед два с половиной часа, потом еще километров пять, ночевка».

У костра Яакко пишет стихотворение «Новогодний вечер»:

*Пушкой будет жив и счастлив тот,
Кто с нами тут у костра,
Пусть, как у мамы, тут не бранный стол
Со сладостями, винами,*

*А пшенной каши котелок да банка «жми-дави»,
Зато костёр ярко пылает
Да небо звездами сверкает,
И воздух свеж и чист.
И это хорошо.
И эту ночь, друзья, запомним
Через год за новогодним столом,
Запомним бой, запомним схватки,
Запомним победу над врагом.
А сейчас пускай яркое пламя костра
Освещает ваши героические лица,
Пушкой обогреет, пускай ласкает
Перед тем, как пойдем на врага.
В этот вечер встречаем новый 43-й год.*

Написанное «белым стихом» в напряженный момент существования нашей родины, стихотворение напоминает речь оратора, которому надо пробудить в сердцах слушателей патриотические чувства. Важна не изысканность формы речи, а её доходчивость, максимальная доступность. Яакко знал, что завтра он будет читать свои стихотворения перед бойцами у партизанского костра и что в походных условиях слово поэта равносильно меткому выстрелу по врагу.

«1 января 1943 г. В 4 часа дня. Сегодня праздник Новый год. Ребята брились, умывались. Вечером были гости: Ив.Л., Устя, сегодня Ив.Ив., Ив.Тр. и др. Я прочитал свои стихотворения. Потом читали боевой листок и сообщения Сов. Информбюро. Смолил лыжи, чистил автомат. Сейчас кончил дежурство. Варим ужин. Я пишу. Вспоминаю своих друзей и родных. Как и где они? Хорошо бы с ними сегодня.

2 января. Утро. Ночь прошла спокойно. Видел сон. Лето. Дома. Война. Народу мало. Какие-то танцы. Гуляли с девушками. Приносят письмо. От Василия. В конверте фотокарточка и сделанный Василием мне в подарок черный кинжал с буквами JRVK. Потом приносят письмо от Ивана Прокопьевича Яковлева (умершего на Дальнем Востоке). Дальше не помню. Странно. Никогда раньше не видал во снах своих бывших друзей.

Вся эта жизнь интересна, и всю её прелесть чувствуешь по-настоящему только тогда, когда человек напряжен до предела физически и духовно.

Бывают тяжелые моменты, но все же молодость возьмет верх. Смеется тот, кто действительно молод, смеется и тот, кто молод душой. А советские люди всегда молоды. Вот и сейчас в палатках шутят, смеются. А может быть, уже в завтрашнем (возможно) бою он падет смертью героя.

В этом-то и есть главная особенность характера советского нового Человека, идущего на сражение за правое дело».

Якко вспоминает обстоятельства своего первого ранения в марте 1942 года и на финском языке записывает в блокнот стихотворение «Кенттиярви», рисующее мысли, чувства обыкновенного человека в солдатской шинели, который в критическую минуту готов жертвовать жизнью за Россию.

Обдумывая в походе своё литературное будущее, Якко 7 января 1943 г. заносит в блокнот:

«Дома написать:

- 1) Устья Егоровна
- 2) Упрямый
- 3) Начальник штаба
- 4) Командир
- 5) За «языком»
- 6) «Пекарь»
- 7) Пленные
- 8) Жалкие типы».

Очевидно, что именно в этом походе у Я.Ругоева окончательно созревает замысел своей первой книги. Он продолжает набирать материал для будущих произведений и записывает в дневнике:

«9 января в 10 часов вечера. Находимся в четырех километрах от Нурмилахти. Вчера утром переменяли лагерь на другой. Недалеко от Ломозера второй взвод с утра пошел на задание. Столкновение с финнами. Наши уничтожили десятки фашистов. От нас ранен Николай К. в ногу. Вечером второй взвод приехал. Сегодня утром третий взвод пошел прокладывать лыжницу в пять утра. Сначала я – направляющий. Пришли к Куйтозеру в 11 часов и думали перейти озеро. Мы и одно отделение пошли вперед. В 600 метрах нагнали нас два финских самолёта и начали обстрел. Ребята спокойно рассыпались по льду. Пули сыпались дождём, не причиняя нам вре-

да. После вторичного захода я дал команду: «Врас-сыпную к берегу!» Все добежали до берега благополучно. Ожидали отряд и в пять часов перешли озеро. Я опять шел со своим отделением направляющим. Многие устали. Завтра выходим в четыре часа. В двенадцать часов дня мы должны быть в Хайколе.

Ночь на 12 января. В последний день похода проходили 30 с лишним вёрст вместо 18. Заблудились два раза и делали большой круг.

В Хайколе. Получил десяток писем. Вечером танцы на материке. Пришел домой с Пеккой (он уже неделю назад прибыл из госпиталя). Варили чай и съели все мои трехдневные продукты, разговаривали на различные темы».

В тот момент Я.Ругоев ещё не знал, что публикации молодого партизана в республиканской печати замечены в партийном руководстве и подготовлено решение о немедленном отзыве его в распоряжение партизанского штаба с рекомендацией направить на работу военным корреспондентом газеты «Тотуус».

Одно из последних стихотворений, написанных им у партизанского костра, датировано 2 января 1943 года и озаглавлено значимым для поэта словом: «Жизнь». «В суровые дни войны жизнью дорожить я стал», – говорит возмужавший в партизанских походах автор. Если раньше, в мирные дни, жизнь была «легкой забавой», то сейчас она обрела истинную ценность: «Я всю жизнь свою родине передал». И если доведется вновь пойти в бой, то лирический герой готов всего себя без остатка отдать защите родины, завещая живым с честью служить отчизне.

□

Юрий Иванович ДЮЖЕВ.

*Литературовед, литературный критик,
доктор филологических наук,
главный научный сотрудник*

*Института языка и литературы Карельского научного центра РАН.
В результате многолетней работы Ю.И. Дюжевым были подготовлены
и опубликованы пять библиографических указателей, четырнадцать
монографий и сборников статей, в которых он вынес на обсуждение
узловые проблемы развития русской литературы Европейского Севера
и дал очерки творчества ведущих писателей региона.*

*Лауреат премии РК в области культуры, искусства и литературы (2002),
лауреат премии «Сампо» Главы РК (2009).*

*Отмечен званиями «Заслуженный деятель науки РК»,
«Заслуженный работник культуры России».*

Член Союза писателей России с 1977 г.

